

Это было начало зимы, вода и земля начала замерзать. Деревья сбросили листья, трава увяла, насекомые спрятались и впали в зимнюю спячку. Аромат душистого дерева османтуса в Павильоне Голубого Ветра исчез, осталось только переплетение мертвых ветвей.

На другом конце резиденции Хоу находился двор Лян Ши. Погода становилась все холоднее и холоднее, но во двор главной жены как будто пришла весна, он был полон жизненных сил и радости. С тех пор как Лу Няньтао вошла в Восточный дворец в качестве наложницы, Лян Ши постепенно возвращала благосклонность мужа. Наньань Хоу даже намеревался вернуть ей часть власти по управлению домашним хозяйством. Даже больной Лу Цяосун восстановил свои силы и отправился искать известных врачей для лечения своей импотенции.

Услышав об этом, Лу Ваньчэн спросил Линь Цинью: «Болезнь Лу Цяосуна должна быть неизлечимой, верно?»

Линь Цинью подтвердил: «Естественно».

«Тогда я чувствую облегчение. — Лу Ваньчэн дважды кашлянул и рассмеялся. — Цинью, мы, кажется, постоянно злорадуем над несчастьями других. Мы – злые, мелочные люди, которые беспричинно проклинаят других».

Линь Цинью тоже улыбнулся.

«Хорошо быть злым и мелочным человеком».

Пока они разговаривали, вошла Хуа Лу, чтобы поменять их чай на горячий. Лу Ваньчэн увидел, что ее глаза немного покраснели, как будто она плакала, и спросил: «Что случилось, Хуа Лу? Кто издевался над тобой?»

Хуа Лу надулась и пробормотала: «Никто».

Линь Цинью спросил: «Это был Хуань Тун?»

Хуа Лу была служанкой самого высокого класса в Павильоне Голубого Ветра. Только Хуань Тун осмелился бы рассердить ее.

Сначала Хуа Лу не чувствовала, что произошло что-то особенное, но, когда два ее господина заботливо расспрашивали, обида внезапно вырвалось наружу. Задыхаясь от рыданий, она рассказала им, что произошло. Оказалось, что недавно в столице вошло в моду рисовать хуадянь на лбу. Хуа Лу была очарована новинкой и, хотя не рисовала его раньше, сегодня утром она очень старательно вывела лепестки цветов на лбу. Хотя в своей работе она была аккуратной и ловкой, девушка обнаружила, что ее руки неуклюжи, когда она пыталась наносить макияж. Цветок сливы, который она нарисовала себе, был очень уродлив, и в момент неосторожности она была случайно поймана Хуань Туном. Тот посмеялся над ней, сказав, что

она - Дун Ши, которая хмурит брови в подражание красавице Си Ши*.

[Примечание: 东施 / dōngshī xiàorín. Жалкое подражание, неумелое копирование; смешное подражание чужим манерам; смехотворное обезьянничанье, досл. Дун Ши хмурит брови в подражание [красавице Си Ши], ср. куда конь с копытом, туда и рак с клешней.]

«Хуань Тун, этот грубиян, разве он не знает, как уважать девушек? — Лу Ваньчэн утешил Хуа Лу: — Все в порядке, позже я отругаю его за тебя. Твой молодой мастер - эксперт, когда дело доходит до ругани людей. Я его так отругаю, что родная мать его не узнает».

Хуа Лу наконец расплылась в улыбке.

Линь Цинюй сказал: «Я могу нарисовать хуадянь. Давай, я нарисую его для тебя, чтобы извиниться от его имени».

Лу Ваньчэн задумался: «Разве девушки - не единственные, кто знает, как нарисовать хуадянь? Откуда ты знаешь, как это сделать?»

«Насколько это может быть сложно? — Линь Цинюй равнодушно сказал: — Хуа Лу, принеси свою шкатулку с косметикой».

Хуа Лу редко наносила макияж, поэтому у нее было мало косметики. Тем не менее, у нее все еще были румяна, которыми женщины часто пользуются. Линь Цинюй взял чистую кисть и обмакнул ее в румяна. Держа кисть в одной руке и придерживая рукав другой, Линь Цинюй осторожно провел между бровями Хуа Лу.

Хуа Лу была окутана утонченным ароматом книг. Когда она подняла глаза, то увидела холодный и красивый подбородок шаоцзюня. Все ее тело напряглось. Несмотря на то, что она не испытывала ничего, кроме почтения к шаоцзюню, в этот момент она почувствовала, как ее сердце бешено колотится, а лицо заливает жар. Она не могла не думать, если бы шаоцзюнь не вошел в резиденцию Хоу и не стал супругой-мужчиной, сколько сердец молодых девушек он бы покорил?

Через некоторое время Линь Цинюй отложил кисть и сказал: «Готово».

Линь Цинюй нарисовал небольшую группу языков пламени. Хотя хуадянь был сделан всего несколькими мазками, он казался ярким и игривым. Хуа Лу посмотрела на себя в зеркало и воскликнула: «Шаоцзюнь потрясающий!»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Красиво. Очень красиво. Ты наверняка ослепишь собачьи глаза Хуань Туна».

Щеки Хуа Лу покраснели от смущения.

«Кто хочет показывать ему?»

Лу Ваньчэн сказал: «Цинюй, ты так хорошо рисуешь хуадянь. Может быть, сделаешь хуадянь для себя?»

Линь Цинюй ответил: «Раз тебе так интересно, хочешь я нарисую его для тебя?»

Лу Ваньчэн весело сказал: «Хорошо».

В конце концов, хуадянь Лу Ваньчэна так и не удалось закончить. Вошел слуга и доложил, что пришел императорский лекарь Ху.

Для Линь Цинюй Ху Цзи был главным источником новостей из дворца. Он немедленно попросил слугу пригласить лекаря Ху и подать горячий чай.

Как только Ху Цзи увидел, что Лу Ваньчэн лежит на луохане, а не сидит в инвалидном кресле, несмотря на середину дня, то понял, что ситуация Лу Ваньчэна не оптимистична. Он благоразумно не спросил о здоровье Лу Ваньчэна, сразу же сообщив Линь Цинюй о текущей ситуации во дворце, особенно в Восточном дворце.

Наследный принц принял сразу двух наложниц, и Восточный дворец был полон радости и жизни. Одна из двух наложниц происходила из семьи государственных служащих, другая – из семьи военных. У одной был нежный темперамент, а у другой – живой. По словам евнухов в Восточном дворце, сначала для приличия наследный принц одинаково относился к двум наложницам, но наедине он больше благоволил Лу Ши*. Один раз он остался с Лу Ши на три дня подряд. Но позже интерес к новому ушел, и принц стал гораздо более равнодушным к обеим наложницам. Он иногда заглядывал к ним, но теперь это было больше похоже на соблюдение формальностей.

[Примечание: Лу Няньтао. Ши происходят от слова 氏, которое означает «клан» или «семья». У замужних женщин он используется для обозначения их девичьей фамилии. Вроде как «урожденная» по-английски.]

«Что я говорил? — Лу Ваньчэн медленно сказал: — Для наследного принца желаннее всего то, что недостижимо».

Линь Цинюй слегка нахмурился. Он думал, что Лу Няньтао будут благоволять по крайней мере полгода. Он переоценил ее. Если Сяо Чэн не будет часто оставаться с ней, момент проявления действия яда будет еще больше отсрочен.

Учитывая нынешнее состояние Лу Ваньчэна, как он мог ждать этого дня?

Линь Цинъюй раздраженно сказал: «Бесплезная идиотка, даже не может конкурировать за благосклонность».

«Не сердись, — уговаривал Лу Ваньчэн. — Лу Нянтао... Кха, она — умная девушка и очень самолюбивая. Она найдет способ быть любимой».

Линь Цинъюй закрыл глаза, успокоился и спросил о других вещах. Он слышал, что на юге вспыхнула эпидемия, как только наступила зима. Никто не знал, каково их нынешнее положение.

«Ситуация очень плохая. Несколько деревень в Хунчжоу уже опустели. Это была богатая на события осень, с эпидемией на юге и войной на западе. — Чем больше говорил Ху Цзи, тем более сентиментальным он становился. — Здоровье императора тоже медленно ухудшается».

Говоря о западе, Линь Цинъюй подумал о своем отце, который был далеко в Юнляне. Он спросил: «У лекаря Ху есть новости о моем отце?»

Ху Цзи сказал: «Пань Юань пытается нейтрализовать действие яда генерала Гу с тех пор, как прибыл в Юнлян. Но кто знает, где эти подлецы из Западного Ляна взяли этот ужасный яд. Пань Юань перепробовал все виды лекарств, но все безрезультатно. День ото дня генерал Гу слабеет. Я слышал, что он, вероятно, не переживет Новый год».

«Тогда я собираюсь встретиться с этим генералом Гу в загробном мире», — легкомысленно сказал Лу Ваньчэн.

Генерал Гу родился в бедной семье. Он вступил в армию в возрасте четырнадцати лет. Он с необычайным мастерством руководил военными кампаниями, совершил бесчисленное множество славных подвигов, и именно его силой была защищена западная граница. Теперь, в возрасте 30 лет, у него нет ни отца, ни матери, ни жены, ни сына. Его копье было его единственной семьей.

Линь Цинъюй усмехнулся.

«Небеса так несправедливы».

Те, кто заслуживает смерти, не умирают немедленно, но те, кто не заслуживает смерти, не могут быть благословлены даже смертью от старости.

Когда Ху Цзи ушел, непринужденная атмосфера недавнего рисования хуадянь полностью исчезла.

Лу Ваньчэн посмотрел в окно и рассмеялся над собой: «Я действительно умру раньше, чем Сяо Чэн? Эх, я просто не могу принять это».

Линь Цинъю помолчал, затем сказал: «Будут и другие способы, определенно будут и другие способы».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Угу, хорошо».

Несмотря на то, что они сказали это, как бы они ни хотели, чтобы Сяо Чэн уже умер, это было легче сказать, чем сделать. В конце концов, они даже не могли войти во дворец.

Если бы он раньше знал, что произойдет что-то подобное, то мог бы просто бросить медицину, чтобы заняться боевыми искусствами. Когда Сяо Чэн назвал его «Малыш Цинъю», он не хотел ничего больше, чем прямо там перерезать шею Сяо Чэна и посмотреть, как меркнет свет в его глазах.

Линь Цинъю постепенно становился беспокойным. Он лежал на верхней койке и всю ночь не мог заснуть, в итоге, ему пришлось принять снотворное.

Как он мог заставить Лу Ваньчэна жить немного дольше... Еще немного дольше?

В этот день Лу Ваньчэн проснулся и увидел, что Линь Цинъю уже ушел. Он позвал: «Хуа Лу, помоги мне встать».

Хуа Лу отложила свою работу и помогла Лу Ваньчэну сесть. Она засунула ему за спину мягкую подушку и спросила: «Чем бы вы хотели заняться, молодой господин?»

Лу Ваньчэн сделал долгую паузу и сказал: «Во втором шкафу слева есть рецепт. Отнеси его людям в аптеке и с этого момента попроси их готовить мое лекарство в соответствии с этим рецептом».

Хуа Лу взволнованно спросила: «Кто сделал этот рецепт? Давайте сначала покажем его шаоцзюню».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Все в порядке. Этот рецепт был сделан моим тестем».

«Оказывается, это от почтенного Пань Юаня, тогда это должен быть хороший рецепт. Я сейчас же пойду», — радостно сказала Хуа Лу.

Лу Ваньчэн остановил ее: «Тебе не нужно говорить об этом шаоцзюню. Хм-м... Но он такой

умный, и с одного взгляда сможет все понять».

Они не знали, когда это началось, но Линь Цинюй начал лично подавать Лу Ваньчэну его лекарство. Как только пришло время принимать лекарство, Линь Цинюй вернулся в их комнату. Хуа Лу принесла лекарство. Юноша взял чашу с лекарством и, как только понюхал ее, то понял, что это не то лекарство, которое он прописал Лу Ваньчэну. Линь Цинюй внезапно поднял глаза.

Лу Ваньчэн улыбнулся ему.

«Что случилось?»

Ногти Линь Цинюй почти погрузились в его ладонь. Он покачал головой и как можно спокойнее сказал: «Ничего».

Если это был выбор Лу Ваньчэна, он будет уважать его.

Линь Цинюй спросил: «Когда ты попросил рецепт у моего отца?»

Лу Ваньчэн не пытался скрывать: «Помнишь, как я рано проснулся в тот день, когда тесть покинул столицу?»

Линь Цинюй слегка улыбнулся.

«Такова судьба. Ты не боишься боли?»

«Насколько это может быть больно? — Лу Ваньчэн казался равнодушным. — Женщины могут переносить боль родов. Как бы больно это ни было, это не должно быть так же больно, как рожать, верно?»

Линь Цинюй казалось, что что-то застряло у него в груди. Он хриплым голосом сказал: «Разве ты не говорил, что твоя судьба зависит от небес, а не от тебя?»

«А, — сказал Лу Ваньчэн, — тогда я хочу еще раз взглянуть на снег, увижу его... и уйду».

Линь Цинюй ничего не сказал, терпеливо накормив Лу Ваньчэна лекарством. Затем он оставался рядом, пока лекарство не начало действовать.

Выражение лица Лу Ваньчэна не сильно изменилось, но на его лбу появились синие вены. Вскоре после этого он покрылся холодным потом. Когда он встретился взглядом с Линь Цинюй, то закрыл глаза Линь Цинюй рукой и с дрожащей улыбкой сказал: «Не смотри. Мое лицо,

должно быть, теперь все перекошено. Оно очень уродливо».

Линь Циньюй опустил руку и сжал ее в ладони.

«Что я могу сделать, чтобы тебе стало лучше?» — тихо спросил он.

Лу Ваньчэн немного подумал, а потом сказал: «...Ты сделаешь мне маленькое одолжение?»

Линь Циньюй на мгновение заколебался и спросил: «Какое одолжение?»

«Не волнуйся, я не зайду слишком далеко. Я просто хочу услышать, как ты называешь меня...»

Линь Циньюй догадался: «Ваньчэн-гэгэ?»

Это действительно было то, что собирался сказать Лу Ваньчэн. Однако, увидев нескрываемое беспокойство Линь Циньюй, он вдруг передумал и захотел пойти немного дальше.

В любом случае... Линь Циньюй никогда не узнает, что он хотел выразить.

Лу Ваньчэн покачал головой: «Не „гэгэ“. Зови меня „Лао гун“*».

[Примечание: 公公. Lǎogōng-муж/старик, lǎogong - евнух, старший евнух дворца. В современном сленге «Лао гун» означает «Муж/Муженек», далее я буду использовать перевод «Муженек».]

Ошеломленный Линь Циньюй беспомощно спросил: «Ты знаешь, что означает „Лао гун“ в Даюй?»

«Я знаю, это значит „евнух“, верно? — Лу Ваньчэн хотел поговорить с Линь Циньюй своим обычным дразнящим тоном, но ему было так больно, что он едва смог показать искривленную улыбку. — Но правда в том, что мечтой всей моей жизни было пойти во дворец и стать евнухом».

Линь Циньюй: «...» Лу Ваньчэн, должно быть, уже потерял всякую рациональность от боли, и поэтому может нести такую чушь.

«Ты скажешь это?» — с трудом произнес Лу Ваньчэн

Как он мог отказать?

Линь Циньюй осторожно вытер холодный пот со лба краем рукава и прошептал: «Муженек».

Лу Ваньчэн слабо улыбнулся, подавляя стон боли, который почти вырвался из его рта. Он улыбнулся, изогнув глаза.

«Звучит так мило. Спасибо, женушка*».

[Примечание: 老婆 / лǎо рó, лǎо рó. Жена/старуха/пожилая женщина. В современном сленге «Лао по» означает «Жена/Женушка», далее я буду использовать перевод «Женушка».]

<http://bllate.org/book/15122/1336653>